

НАУКА И ФАНТАСТИКА

Опытный образец

Татьяна Минасян

— Владимир, алло, это ты? Это Артем Егоров. Знаешь, я, кажется, созрел. Сейчас пойду на улицу и прогуляюсь немного. И может, в магазин зайду.

— Уверен? — В голосе Владимира послышалось беспокойство, которое он тут же попытался спрятать за наигранным оптимизмом. — Ну наконец-то, а то шеф мне уже велел тебя поторопить! Слушай, а может, я все-таки к тебе приеду и мы вместе пойдём?

— Нет, — твердо возразил Артем. — Мы же договаривались. Я все сделаю сам.

— Ох, ладно, тогда удачи тебе, и как вернешься — сразу мне перезвони!

— Обязательно, — пообещал Артем и положил трубку.

В подъезде было темно, а на полу перед входной дверью храпел человек — может, бомж, а может, кто-нибудь из пьяных соседей. Егоров едва не споткнулся о бесчувственное тело, но в последний момент заметил это «препятствие» и остановился. Нагнувшись и неуверенно потрепав спящего за плечо, он без особой охоты спросил, не нужна ли помощь. В ответ раздались неразборчивые матюги, в лицо Артему дохнуло перегаром, и он, поморщившись, перешагнул через пьяного и с чистой совестью пошел дальше.

Прямо перед подъездом стояла какая-то здоровенная машина, и Егорову пришлось ее обходить, а на детской площадке, через которую он решил срезать путь, его чуть не сбил с ног ребенок, несущийся прямо на него на дребезжащем звонком велосипеде. Ехал он так быстро, что Артем едва успел отскочить в сторону.

— Ой, извините! — прокричал малолетний велосипедист, на всякий случай еще больше увеличивая скорость.

Артем погрозил ему пальцем и продолжил свое путешествие, внимательно глядя под ноги, обходя попадающиеся на пути бугорки и обломки кирпичей. Пройдя через площадку, он свернул в узкий проход между домами и тут же прижался к стене одного из них, пропуская женщину с детской коляской. Ее каблучки громко цокали об асфальт, а из коляски доносилось довольное младенческое воркование.

Переулок выходил на шоссе, по которому в обе стороны мчались бесконечные потоки машин. Егоров не очень решительно направился к месту перехода. Далеко впереди потухло одно яркое изображение маленького человечка и зажглось другое. Но Артем сперва проверил, точно ли тормозят приближающиеся к переходу машины, и только затем перешел на другую сторону.

Он вовремя успел заметить и небольшую ступеньку на входе в булочную, и открывающуюся ему навстречу прозрачную дверь, и

выходящего из нее покупателя. После залитой солнцем улицы освещение в магазине показалось ему очень слабым. Ловко лавируя между толпящимися в булочной людьми, он пробрался к прилавку.

— Добрый день! — В голосе знакомой продавщицы слышалось удивление. — Вам, как всегда, пшеничный с отрубями?

— Да, и еще пару пирожных. — Егоров решил, что сегодня он имеет полное право устроить себе небольшой праздник. — «Картошки» есть?

— Есть, совсем свежие, утром привезли, — заверила его продавщица, и он, улыбнувшись ей, отправился занимать очередь в кассу.

Обратная дорога заняла у него намного меньше времени, чем путь в булочную, — с каждым шагом прибывало уверенности, которой он не ощущал уже очень давно. Шесть лет и два месяца, если быть точным.

Дома Егоров устало опустился на стул возле тумбочки с телефоном и некоторое время просто сидел, глядя на давно не работающую лампочку и улыбаясь. А потом снял трубку и по привычке на ощупь набрал номер. На другом конце провода ответили почти сразу:

— Институт оптических исследований.

— Можно Владимира Ильинского? — спросил Артем. — Это Егоров звонит, по поводу его опытного образца.

— Да-да, конечно, соединяю.

В трубке запищала какая-то противная прилипчивая мелодия, но вскоре ее прервал взволнованный мужской голос:

— Артем, ты? Ну, как все прошло? Был на улице?

— Все в порядке, — поспешил заверить его Егоров. — Вышел на улицу, погулял, в магазин зашел. И через дорогу рискнул перейти.

— Ну и как?

— Ну, раз с тобой сейчас разговариваю, значит, успешно.

— Не остри, давай рассказывай, со всеми подробностями! Расстояние до объектов правильно определяется?

— Да, все очень точно. Так же, как и в помещениях.

— А скорость объектов?

— Тоже.

— Степень освещенности?

— Просто отлично, я даже удивился.

— Ну, здорово! Сейчас всем нашим перезвоню, и техникам, и биоологам... Да, скажи сначала, проблемы какие-нибудь были? Неудобства?

— Неудобство только одно — очень непривычно ходить без трости. Иногда даже страшновато. Но это, как я понимаю, все временно.

— Да конечно же временно! Я не сомневаюсь, что ты быстро к этому привыкнешь. Еще какие-нибудь недостатки есть? Говори, не стесняйся!

— Ну, мелочи разные... Например, цвета не различаются... Но это правда не настолько важно!

— Да, цвета — это следующий этап, не все сразу! А ты завтра продолжишь испытания?

— Обязательно! Хочу в центр города съездить, там погулять... Может, к вам в институт загляну.

— Заглядывай, я завтра весь день здесь буду. Только смотри осторожнее в городе, под машину не попади!

— Да не волнуйся, справлюсь. Или ты не за меня, а за свой прибор беспокоишься?

— За прибор тоже. А ты как думал? Мы столько времени его разрабатывали, а первый же доброволец возьмет и сломает!

— Не бойся, не сломаю, мне он нужен гораздо больше, чем вам.

— Ничего, через пару лет они будут в каждой аптеке продаваться! Мы их еще посимпатичнее сделаем и размер уменьшим... — В голосе Владимира зазвучали уже знакомые Артему мечтательные нотки.

Артем попрощался, положил трубку и принялся аккуратно отстегивать от правого рукава круглую коробочку на ремешке, на ощупь напоминающую большие наручные часы. Справившись с застежкой, он бережно положил прибор на тумбочку и снял черные очки, связанные с этой коробкой тонким проводом. Черно-белая картинка его прихожей погасла, уступив место привычной темноте, и Егоров, устало вздохнув, машинально провел рукой сначала по прибору, а потом по своим уже шесть лет ничего не видевшим глазам.